

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

КОДЕКСЫ ФЕОДОСИЯ
И ЮСТИНИАНА ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА *

При определенном падении хозяйственного значения рабства, рост продажи и самопродажи в рабство (при относительно умеренных ценах на продающихся в рабство свободных), естественно, мог делать все менее необходимым, так сказать, «планируемое» поощрение воспроизводства рабов в хозяйстве, «выращивание» собственных рабов, «вскармливание» малолетних. Вместе с ростом стихийного «самовоспроизводства» рабов и другими факторами это вело к сокращению категорий «вскормленников». Вероятно, вывод рабов на пекулий и распространение стихийного, неконтролируемого воспроизводства ограничивали возможности выращивания малолетних — более благоприятные условия для этого имели место в централизованных хозяйствах.

Очевидно, некоторым падением на рынке спроса на малолетних детей отчасти и объясняется распространение уже со II в. их подбрасывания (мы не рассматриваем другие причины), которое также становится важным «даровым» источником рабства.

Бесспорно, одним из источников рабства, своеобразным вариантом «продажи» становится как подбрасывание новорожденных, так и добровольная безвозмездная отдача в рабство своих детей. Все это увеличивало число рабов за счет свободных. По мнению Уэстерманна, для II—III вв. это даже второй по значению внутренний источник рабства¹.

К IV в. подбрасывание детей, в том числе и детей свободных, стало еще более распространенным. Эдикт Константина от 331 г. (CTh, V, 9, 1) предоставлял лицу, принявшему подкинутого ребенка, право самому выбрать и определить его статус. Он должен официально заявить, оставляет ли он его при себе как раба или как сына. Этим же законом родители лишались прав на подкинутых ими детей. Последующие законы, в частности эдикт Валентиниана, вводящие наказание для родителей, подбрасывающих своих детей, свидетельствуют о широком распространении подобной практики (CJ, VIII, 51 (52). 2—374 г.). Законодательство Юстиниана также уделяет ей значительное внимание. «Невостребованные» их господами или родителями подкидыши уже не признаются рабами, и Юстиниан фактически отменил законы императоров Константина и Гонория (CTh, V, 9.2—412 г.), допускавшие обращение подкинутых свободных в рабов. Наоборот, даже подброшенные рабы мужского пола становились свободными². Таким образом, только во время Юстиниана вводятся серь-

* Окончание. Начало см. ВВ, 35, 1973, стр. 33—50.

¹ W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 120.

² CJ, I, 4, 24: nemini licere volumus... eum puerum in suum dominium vindicare... nomine domini. См. Г. Е. Лебедева. К вопросу об освобождении рабов в Кодексах Феодосия и Юстиниана. — XXII Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1969, стр. 188.

езные ограничения порабощения подброшенных. По законодательству Юстиниана и дети, отданные бесплатно из-за крайней бедности, остаются свободными (СЖ, VIII, 51 (52). 3—529 г.).

В какой-то мере к этим внутренним источникам рабства относят также насильственный захват свободных и их порабощение. Прежде всего это весьма распространенное, судя по данным авторов и законодательства, похищение детей с целью последующей продажи их в рабство. Распространение этого промысла показывает, что спрос на рабов в империи был весьма значительным и в известной мере поддерживал и стимулировал подобно рода деятельность. В Кодекс Феодосия было включено, а в Кодексе Юстиниана сохранено постановление, карающее смертной казнью такое преступление. (СЖ, 9, 20.16; СTh, 9,18.1—315 г.).

В то же время в IV—VI вв. возрастают случаи добровольной, формально безвозмездной (во всяком случае, плата не зафиксирована) отдачи себя в рабство за пропитание и содержание. Рассматривая эти материалы и отмечая, что отдающие себя в рабство особо подчеркивают рабский характер своих обязанностей, обязуясь работать «как раб», У. Уэстерманн приходит к выводу о том, что их статус был обязательно ориентирован на рабство, представляя одну из его добровольных форм, а не более мягкой зависимости³. В добровольное рабство и безвозмездно отдавали себя бедняки, утратившие возможность иным путем спасти себя от голодной смерти. Характерно, что распространение такого рода «добровольного» рабства особенно относится к IV—VII вв.⁴ и свидетельствует о том, что юстиниановские законы, запрещающие обращать свободных в рабов, фактически нарушались и обходились в связи с реально существующими отношениями. Хотя формально источники пополнения рабов из свободных были ограничены законом, на практике порабощение свободных и в VI в. имело широкое распространение⁵. Таким образом, с III—IV вв. бесспорно возрастает значение внутренних источников, связанных

³ W. L. Westermann. Op. cit., p. 149.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem. Причем речь идет, по-видимому, и о несколько иных формах этого «временного рабства», чем те, которые имели распространение ранее. Прежде всего, их, очевидно, нельзя сравнивать с теми формами использования наемного труда, весьма распространенными и симптоматичными, когда нанимающийся брался за плату выполнять «рабские обязанности» (δοῦλικὰς χρεῖας). Это чисто «фигуральное», по мнению М. Я. Сюзюмова, выражение (М. Я. Сюзюмов. Трудовые конфликты в Византии. — ВО, 1971, стр. 31) могло скрывать и обычный договор о найме, когда нанимающийся за ту или иную плату и на тот или иной срок брался выполнять «рабские обязанности», рабскую работу. Таким образом, речь шла только о характере его работы, а не его состоянии и положении. Он по-прежнему оставался свободным и сохранял все права свободного. Выражение δοῦλικὰς χρεῖας действительно было больше «фигуральным», поскольку оно предполагало не выполнение строго определенного вида работы, а «рабских обязанностей», работы взамен раба, как правило, подразумевавшей всякую работу, в том числе и разного рода службы при господине, те службы, которые обычно выполняли домашние рабы. В известном смысле это определение имеет значение «презренные», «рабские обязанности», т. е. обязанности, которые всегда выполняли и выполняют рабы. Распространение такого найма — показатель, но с той точки зрения, что свободным, в силу условий их положения, приходилось все чаще наниматься «взамен рабов» и в услужение. Найм в услужение «вместо раба» предполагал выполнение самых разнородных поручений господина. В этом смысле, нанимавшийся на такую работу действительно обязан был выполнять любую работу по приказанию хозяина. Таким образом, в смысле личного подчинения и времени работы он, естественно, более приближался к рабу, чем любой другой наемный работник. Такого рода отношения, как правило, и покрывались договорами типа πρᾶξιον, т. е. договора о работе общего характера, «без спецификации этой работы» (см. К. К. Зельин. Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии. — ВДИ, 1964, № 4, стр. 121 сл.). Нельзя, однако, упускать из виду и другого оттенка значения «рабских обязанностей», а именно того, что наемным работникам приходилось выполнять такую же работу, как и рабам; наниматели стремились в полной мере использовать их по мере возможности «взамен рабов», что само по себе свидетельствует о сохранившихся рабовладельческих тенденциях общества.

с порабощением свободных. Среди попадавших в рабство оказывались не только сельские и городские плебеи, но и куриалы и дети куриалов.

В какой-то мере к внутренним источникам рабства относится и порабощение свободных людей, освобожденных или выкупленных из плена.

Целый ряд законов говорит о стремлении рабовладельцев не только присваивать взятых из вражеского плена рабов, принадлежащих другим римским собственникам, рабов, которые, естественно, по-прежнему рассматривались как собственность прежних господ и подлежали возвращению им (CJ, VIII, 50 (51). 10, 12; CTh, V, 7.1—CJ, VIII, 50.19), но и обращаться в рабство свободнорожденных римских граждан (CJ, VIII, 50 (51). 20—409)⁶. «По строгой теории римского права свобода римского гражданина была на римской территории неотчуждаемой, он мог стать рабом только в том случае, если был взят в плен за границей. Но по возвращении на римскую территорию он автоматически восстанавливал свою свободу по *Postlininium*»⁷.

Характерно, что большинство конституций, направленных против этого, приходится на конец III — начало V в.; видимо, из-за актуальности указанных проблем и для последующего времени эти конституции были включены и в Кодекс Юстиниана. Они подтверждают и неоднократно ого-

Известны и другие формы «временного рабства», по существу также более договорного характера, как правило, являвшиеся результатом займа, долговой за висимости, когда должник в уплату долга или процентов обязывался выполнять *δουλικὰς χρείας*. Но это — договор с определенными условиями работы и не ликвидирующий личной свободы временного раба, скорее на время ставивший его в определенную личную зависимость (см., например: *И. Ш. Шифман*. Рабы в документах из Дура-Европос. — «Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности». М., 1967, стр. 84—85; *его же*. Социальные и экономические отношения в Сирии I—III вв. н. э. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 20: «временное рабство» — выполнение формально свободным должником в пользу заимодавца «рабской работы» вместо уплаты процентов по займу впредь до возвращения долга). Мы же имеем в виду те формы более развитого «временного рабства», которые очевидно и получают распространение в позднеримский период. Это отдача в действительное рабство по договору или юридически влекущее временную потерю свободы и переход на положение раба в отношении обязанностей, и, по-видимому, прав. Чаще всего связанная с долговыми обязательствами и займами и оформляющаяся как самопродажа, продажа или другая форма официального перехода в рабство, фактическая продажа одного из членов семьи подпадала под действие норм позднеримского законодательства, сохранившего за родственниками лишь право выкупа, фактически — возмещения долга. Следовательно, и юридически, согласно закону Константина, проданный считается рабом до его выкупа, т. е. фактически — до возмещения долга. Его статус был временно рабским, господин использовал его как раба без всякой договоренности об условиях работы, и срок пребывания в рабстве не был ограничен определенным временем. Фактически родственники должны были путем погашения долга и процентов внести выкупную сумму. Итак, можно, очевидно, говорить, что в условиях ухудшения положения свободных и растущего предложения свободного труда были достаточно сильны тенденции к тому, чтобы и наемный труд использовать «взамен рабского» в формах, максимально обеспечивающих его замену, приближающихся к ним как по форме услуг, так и по положению заменившего труд раба. М. Я. Сюзюмов (указ. соч., стр. 31) совершенно прав, когда пишет, что «неприемлемо предположение, будто наемный труд является своего рода эрзацем рабского труда». Совершенно справедливо, что «сосуществование наемного труда рядом с рабским... даже в какой-то степени задерживало падение рабовладельческой формации», но не только тем, что можно было шире использовать наемный труд вообще, а и тем, что можно было поставить часть наемных в положение, когда они «заменили рабов». Аналогичными, как мы видим, были и тенденции развития ранее достаточно широко распространенного «договорного» временного рабства, по существу им не являвшегося. Законодательство IV—VI вв. для многих свободных открывало возможность и юридического обращения их в наслоящих временных рабов, труд которых тоже по существу в максимально близкой и удобной форме частично замещал труд постоянных рабов.

⁶ См., например: CJ, VIII, 50, 12 (293): *receptos enim eos, non captos iudicare debemus, et militem nostrum defensorem eorum decet esse, non dominum.*

⁷ *A. H. M. Jones. The Later Roman Empire. Norman, 1964, p. 853.*

варивают неколебимость прав свободных лиц, бывших во вражеском плену, но уже с конца IV в. предписывают все более строгие меры против лиц, ответственных за обращение освобожденных в рабов и даже содействующих их порабощению, в том числе правителей провинций и чиновников (CJ, VIII, 50 (51). 19—366; VIII, 50 (51). 20—409).

Закон 408 г. (CTh, X, 10.25) также говорит о попытках землевладельцев обратить в рабство свободных, изгнанных из их районов в результате вторжения варваров и осевших на землях местных собственников.

Мы уже не говорим о той группе законов, которая касается весьма широко распространеннейшей в IV—VI вв. в связи с усилившимися варварскими вторжениями практики выкупа захваченных в плен. Дальнейшее развитие римского законодательства о выкупе по существу начинается со времени Гордиана⁸. Но основная масса законов, содержащаяся в Кодексах (18) и свидетельствующая о возрастающем значении этой проблемы, приходится на эпоху Диоклетиана и последующий период.

В связи с увеличением числа захваченных варварами жителей империи и расширением практики их выкупа организующую роль в этом деле со временем все более выполняла местная церковь, епископы; иногда для выкупа пленных исполнялись церковные фонды и добровольные пожертвования (эта практика получила более или менее широкое распространение лишь в VI в.). Фактически жертвователи приобретали определенные права на освобожденных, не говоря уже о том, что законодательством поощрялся и частный выкуп пленных имущими гражданами. Как показывает законодательство, «частный» выкуп пленных нередко имел конкретной целью, особенно в опустошенных пограничных провинциях, пополнить хозяйство «принудительной» рабочей силой (CJ, VIII, 50). Хотя юридически бывшие свободные по-прежнему считались таковыми, фактически они оказывались во временном или постоянном рабстве у выкупивших. Попавшие в плен, сделавшиеся там рабами и выкупленные, они как бы продолжали оставаться в рабском состоянии до момента окончательной расплаты: *Liber captus... et commercio redemptus, tunc demum cum pretium solverit... statum pristinum recipit*⁹.

Тенденция упрочить права на выкупленных из плена, удержать их в качестве рабов или низвести к подобному статусу прослеживается достаточно отчетливо (законодательство предписывает: *Ab hostibus redempti, quoad exsolvatur pretium, in causam pignoris constituti quam in servilem conditionem videntur esse detrusi...*¹⁰, как и тенденция рассматривать их после отработки или погашения ими выкупной цены не как свободных, а как бывших рабов, т. е. вольноотпущенников (*liberti*), со всеми вытекающими отсюда обязательствами по отношению к выкупившему (CJ, VIII, 50.11).

Не случайно законодательство неоднократно обращает внимание на их первоначально свободное состояние, требует их полного освобождения после возмещения выкупа или отработки, а в начале V в. и официально ограничивает удержание выкупленных пятью годами. Целый ряд конституций, включенных в Кодекс Юстиниана, был направлен против попыток выкупивших удерживать выкупленных (CJ, VIII, 50.2.6.7.8.16). Характерно, что хронологически это более поздние статьи в титуле *de redemptis ab hostibus*.

Правительство вынуждено было принимать крайние меры, чтобы сдерживать попытки полного порабощения выкупленных, угрожая нарушителям ссылкой, работами в рудниках, конфискацией имущества, а чиновникам — штрафом в 10 либр золота за неприятие мер к своевременному освобождению выкупленных (CJ, VIII, 50.20—468). Закон прежде всего имел в виду земельных собственников, акторов, прокураторов, кондукторов.

⁸ CJ, VIII, 50.2—241; W. W. Buckland. *The Roman Law of Slavery*. Cambridge, 1908, p. 311.

⁹ CJ, VIII, 50.17—294 г.

¹⁰ CJ, VIII, 50.2.

Двадцать законов по этим вопросам, включенных в Кодекс Юстиниана и дополненных в VI в. новыми законами об организации массового выкупа военнопленных, свидетельствуют не только об актуальности этих проблем в VI в., но, бесспорно, и о фактическом росте размеров использования труда выкупленных¹¹.

По существу данные о положении выкупленных из плена говорят о наличии в Византии того времени значительной категории «временных», рабов, о существовании и распространении своего рода «принудительного» рабства. Таким образом, внешние неудачи Византии приводили к тому, что захватывалось и удерживалось в империи все меньше рабов-военнопленных и все большее число жителей империи попадало в плен, а затем частично возвращалось в качестве «выкупленных», труд которых отчасти возмещал нехватку рабской силы. Рассмотренные законы свидетельствуют о достаточно отчетливом стремлении выкупивших не только использовать выкупленных как рабов, а не колонов, но и к удержанию их в рабстве [CJ, VIII, L (LI)].

Что касается внешних источников увеличения числа рабов, то в ранневизантийском законодательстве достаточно отчетливо прослеживается значение как захвата, порабощения военнопленных, так и покупки, приобретения рабов у соседних варварских народов. О важности их в какой-то мере говорят и упоминания в законодательстве «варварских» рабов — как варваров-военнопленных, так и купленных «варваров»¹², особое отношение к которым со стороны государства возрастало в связи с усилившейся опасностью внешних вторжений. О большом значении их труда и стремлении сохранить их у владельцев свидетельствует усиление наказаний за бегство рабов к варварам. Разумеется, эти статьи имели в виду в принципе вообще всех рабов, в том числе и внутриимперского происхождения. Однако естественно, что более активным было стремление бежать за пределы империи к своим соплеменникам у рабов-военнопленных. Если в III в. рабы, бежавшие за границы империи, просто возвращались (после соответствующего наказания) господам (Dig., XLVIII, 15.19.5), то стремление приостановить их бегство привело в IV в. к повышению наказания. За бегство к варварам рабу отрубали ногу или ссылали на работу в рудники (CJ, VI, 1.3 — 317—323 гг.). Этот закон вошел в Кодекс Юстиниана и, очевидно, сохранил свое значение и в VI в.

Из внешних источников рабства война бесспорно и в IV—V вв. являлась более значительным и важным, чем торговля. Отчасти, может быть, признание этого нашло отражение и в законодательстве (CTh, 4, 12.1.6).

Едва ли можно согласиться с тем, что войны в IV—VI вв. обеспечивали «регулярный приток рабов в империю»¹³. Но несомненно, они обеспечивали наибольшее их поступление извне. Поэтому мы прежде всего остановимся на анализе законодательных данных, касающихся военных источников получения рабов. Один из основных вопросов, который, как мы уже видели выше, встает перед исследователями, — вопрос о том, возрастало обращение военнопленных в колонов¹⁴ или внешние войны по-прежнему служили важным источником пополнения рабов и тенденция к обращению пленных в рабов продолжала оставаться достаточно сильной, характерной для ранневизантийского общества.

Не отрицая развития тенденций к обращению военнопленных в колонов, можно, однако, отметить, что степень его в IV—VI вв. по-разному

¹¹ CJ, VIII, L (LI).

¹² См., например: GTh, IV, 4.1; XIII, 4.4.

¹³ А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 853; З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана). — ВВ, XXIV, 1964, стр. 5.

¹⁴ См. Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, стр. 24; Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. — ВДИ, 1955, № 4, стр. 65.

оценивается исследователями. Одни считают, что в IV—V вв. уже обнаруживается незаинтересованность собственников в обращении военнопленных в рабов¹⁵. Они обращаются в основном в колонов, и, таким образом, значение поступления пленных как источника пополнения числа рабов быстро падает. Другие, признавая более «рабовладельческий» настрой собственников империи — вернее, более консервативной их части, — переносят акцент на государственную политику, ее основное направление. По их мнению, государство, в той или иной мере отражая общие интересы и настроения, встало на путь законодательного ограничения обращения военнопленных в рабов. Анализ и оценка некоторых касающихся этого вопроса законов стали основанием для более широких выводов не только о падении заинтересованности в использовании труда рабов, но и в известной мере уже об антирабовладельческой политике общества и правительства, активной направленности их деятельности на изживание рабовладельческих отношений¹⁶.

Не вдаваясь сейчас в более детальное рассмотрение этих точек зрения, отметим, что именно на основании анализа законов о военнопленных делаются широкие выводы, влияющие на оценку других источников рабства. Поэтому именно эти законы нуждаются в особенно тщательном изучении. На наш взгляд, законы о военнопленных представляют интерес и с точки зрения выявления степени заинтересованности частных собственников в обращении пленных в рабов, и с точки зрения изучения государственной политики, поскольку интересы собственников и государства могли не совпадать полностью. Если интересы государства отличались от интересов частных собственников, то это должно было проявиться прежде всего в отношении к военнопленным, попавшим в руки государства, императора. Следовательно, речь должна идти о военнопленных, принадлежащих частным лицам и государству, императору.

Мы знаем, что государственные пленные частично обращались в рабов, частично же поселялись на положении колонов¹⁷. По мнению А. Джонса, государство поощряло поселение пленных как колонов, так как хотело получить колонов-плательщиков подати и кадры рекрутов¹⁸. Однако для окончательного решения этого вопроса должны быть изучены многие обстоятельства (как внутренние, так и внешние), которые могли способствовать обращению возрастающей части пленных в колонов. Тезис Джонса противоречит его же положению о нехватке рабов в империи и неудовлетворяемом спросе на них, который и толкал к более активному порабощению свободных¹⁹. В то же время известно, что в государственных имениях работало много рабов; значительная часть пленных не только направлялась туда, но и раздаривалась в качестве рабов частным собственникам. Что касается пленных, попадавших в частные руки, то они, во всяком случае в IV в., обращались исключительно в рабов. Законы трактуют право полной собственности не только государства, но и военных на захваченных ими пленных (см., например: CJ, VIII, 50 (51).12), которые бесспорно становились рабами²⁰ или продавались как рабы. В значительной мере за счет пленных укреплялись ветеранские и военные хозяйства. Целый ряд законов говорит о рабах ветеранов, приводимых ими с войны и не записанных в ценз (CTh, VII, 1.3—349). Анализ этих законов показывает, что военнопленные, оставшиеся у солдат и военных командиров, становились их рабами и использовались как рабы.

¹⁵ См. Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., 24; Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 65.

¹⁶ Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 65.

¹⁷ CTh, V, 6, 3—409.

¹⁸ А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 853.

¹⁹ Ibid., p. 794.]

²⁰ W. W. Buckland. Op. cit. p. 291—292; ср. В. Велков. Сведения на Темистий за Тракия. — «Известия на Археологически Институт», XIX, 1955, стр. 245—260.

Все источники, сообщающие о готских войнах IV в., единодушно свидетельствуют о том, что основная масса пленных готов была обращена в рабов²¹. Бойкая торговля готскими рабами шла на рынках Малой Азии. По данным Синезия, значительную часть домашних рабов в Киренаике в его время составляли готские рабы; трудно было найти даже скромный дом, в котором не оказалось бы готских рабов (De Regno, 22). За счет пленных готов существенно пополнялось число рабов в дунайских провинциях, на Балканах, широким потоком хлынули они и на рынки империи. Именно внутренний спрос на рабов активизировал не только тенденции к продолжению их захвата, но и привел к попыткам порабощения осевшей на территории империи части готов.

Таким образом, почти для всего IV в. у нас нет достаточных оснований говорить о том, что у собственников империи не было активной тенденции к пополнению числа рабов. Поэтому дискуссия по этому вопросу, особенно относительно оценки тенденций государственной политики, «передвинулась» на материалы начала V в. В центре дискуссии прежде всего оказался известный закон 409 г. о военнопленных скирах (CTh, V, 6.3). По мнению одних исследователей, закон 409 г. отразил падение заинтересованности собственников в эксплуатации пленных как рабов. В. Велков пишет: «Их уже не продавали как рабов, так как, очевидно, никто не был заинтересован в эксплуатации рабского труда, но в эксплуатации труда колонов»²². Е. Э. Липшиц считает, что при определении рубежа, когда рождается новое «качество», когда складывается феодальная экономика, нельзя исходить только из одного факта сохранения рабства. Правящий класс отнюдь не поощрял появления в доме новых рабов, но всячески содействовал созданию класса закрепощенных колонов. Может быть, наиболее ярким примером в этом отношении является закон Гонория и Феодосия от 12 апреля 409 г., изданный в ознаменование победы над скирами»²³. При рассмотрении этого закона прежде всего встает вопрос о том, в какой мере в нем нашло отражение стремление самих рабовладельцев к тому, чтобы не обращать военнопленных в рабов. Закон прямо запрещает обращать пленных скиров в рабов (*non alio iure quam colonatus... nullique liceat, nullique liceat*). Это распоряжение повторено дважды, причем запрещается обращать захваченных скиров не только в сельских, но и в городских рабов — *in servitutem trahere urbanis obsequiis addicere*. Настойчивость, с которой говорит об этом правительство, свидетельствует в пользу того, что рабовладельцы не стремились использовать рабов как колонов. Напротив, весь текст постановления отчетливо показывает, что правительство, по-видимому, достаточно ясно отдавало себе отчет в стремлении собственников превратить пленных именно в рабов и стремились преодолеть, ограничить эту тенденцию. Самый тон постановления не оставляет в этом сомнений.

Можно было бы в какой-то мере ставить под сомнение значение такого вывода, если бы мы не имели для этих же районов (Фракии и Иллирии) ряда других, предшествующих законов, свидетельствующих о том, что у местных собственников было достаточно сильное стремление к увеличению именно числа рабов. Мы уже не говорим о стремлении присваивать чужих рабов. Один из законов прямо направлен против попыток землевладельцев обращать в рабов бежавших и осевших на их землях свободных жителей, изгнанных из их районов варварами. Причем этот закон (CTh, X, 10.25) был издан в 408 г., т. е. за год до издания закона 409 г., и прямо свидетельствует о стремлении собственников увеличить число своих рабов, незаконно наложить на свободных «бремя рабства» (*inlicite iugum servitutis imponere*). Итак, закон 409 г. лишь подтверждает то, что стремление

²¹ См. В. Велков. Рабство в Тракия и Мизия през античността. София, 1967, стр. 121—125.

²² Там же, стр. 123.

²³ Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 65.

увеличить число собственных рабов и обратить военнопленных скиров именно в рабов продолжало оставаться ведущим, доминирующим в начале V в.

Таким образом, в предшествующее время не было предпосылок для резкого изменения отношения к обращению военнопленных в рабов в начале V в. Кстати сказать, и другие данные о развитии рабства и хозяйства областей, к которым относится закон, не свидетельствуют о заметном падении интереса к приобретению рабов в IV в. Все исследователи, занимавшиеся специально этими районами, признают, что в течение IV в. число рабов в придунайских провинциях возросло²⁴.

Может быть, закон в большей мере отражал принципиальные установки правительства, государственной власти на ограничение обращения военнопленных в рабов вопреки «консервативным» тенденциям местных рабовладельцев?

Анализ текста закона под этим углом зрения также не позволяет прийти к подобному заключению. Запрещая обращение пленных в рабов, правительство разъясняет причины издания этого закона. Из разъяснения следует, что за запрещением не стояли принципиальные экономические или другие мотивы, и правительство рассматривало запрещение порабощать скиров как меру временную, исключительную. Оно прямо объясняет ее, как видно из вводной части закона, внешними обстоятельствами — силой союзников скиров — многочисленных гуннов и оставшейся с ними части скиров, реальной угрозой их вторжения и того, что, в случае порабощения пленных, они поддержат их вторжение своим восстанием, а это создаст угрозу для всех собственников²⁵. Правительство не только запрещает обращать скиров в рабов, но и не разрешает держать их в пограничных областях и как колонов, предписывая переселение их в более отдаленные от границы области империи. В тексте закона не содержится ни одного намека на принципиальные, хозяйственные мотивы. Кроме стремления припугнуть собственников Фракии угрозой гуннского вторжения, в этом предписании можно видеть, по нашему мнению, известную уверенность правительства в том, что его распоряжения натолкнутся не только на недостаточное понимание, но и на сопротивление местных владельцев.

Таким образом, едва ли в законе 409 г. мы можем обнаружить программу «новой» принципиальной правительственной линии в отношении характера использования военнопленных. Государственная власть, осознавая опасность порабощения скиров, вынуждена была выступить против явного стремления местных собственников обратить скиров в рабов только из этих соображений. Это была реакция на ситуацию, а не принципиальная установка. Характерно также и то, что в законе все время говорится именно о скирах — *ex praedicto genege*. По-видимому, если бы этот закон носил принципиальный характер, в нем не подчеркивалось бы, что речь идет только о скирах. В законе не чувствуется принципиально неодобрительного отношения к обращению пленных в рабов. Напротив, такой перевод рассматривается как естественный, а данное постановление как исключение.

Итак, пока еще нет достаточных оснований рассматривать закон 409 г. как показатель перелома ни в отношении использования рабского труда вообще, ни в отношении к внешним источникам пополнения числа рабов как со стороны рабовладельцев, так и со стороны правительства. Скорее этот закон приходится оценивать не с точки зрения «внутренних» установок, а с точки зрения влияния внешних факторов на ограничение использования такого рода источников пополнения рабской силы. Создается

²⁴ См., например: «Икономиката на България до социалистическата революция», т. 1. София, 1969, стр. 45.

²⁵ D. Angelov, Chr. Danov, V. Velkov. Über einige Probleme der sozial-ökonomischen und ethnischen Entwicklung in II—V. Jh. und des Übergangs von der Antike zum Mittelalter. — «Etudes Historiques», t. V, 1970, S. 47—48, Anm. 101.

впечатление, что не столько в империи не было стремления к обращению военнопленных в рабов, сколько «давление» и угроза варварской периферии вынуждали отказываться от этого; быть может, внешние факторы играли не меньшую роль, чем внутренние, в развитии тенденции к отказу от применения рабского труда.

Археологические данные свидетельствуют о сохранении многих рабовладельческих вилл на Балканах до середины V в. Судя по этим данным, большая их часть была уничтожена в ходе варварских вторжений.

То, что издание закона 409 г. было вызвано местной ситуацией, местными обстоятельствами, достаточно наглядно подтверждается тем, что его положениям не было дано более широкой ориентации. Наоборот, в нем непрерывно подчеркивается, что оно касается только скиров. Закон адресован только собственникам одного района империи. Тот факт, что впоследствии он с его «радикальными» положениями не был включен в Кодекс Юстиниана,шний раз свидетельствует о том, что его рассматривали как вынужденное временное постановление.

Может быть, этим отчасти и объясняется то конкретное обстоятельство, что балканские провинции на протяжении почти всего V в. были объектом достаточно успешных и глубоких варварских вторжений. Нежелание местных собственников и правительства отказываться от применения рабского труда создало благоприятные условия для вторжений, и, таким образом, стремление местных рабовладельцев сохранить рабство, а не только сила варваров во многом объясняет остро кризисную ситуацию на Балканах в V в. Обстановка здесь, возможно, была бы несколько иной если бы в политике местных рабовладельцев и правительства действительно возобладали те тенденции, которые пока что без достаточных оснований приписывают им на основе анализа закона 409 г.

Мы подробно остановились на этом законе не только потому, что на основании его делаются самые широкие выводы о переломе в отношении к использованию рабского труда²⁶. Нам кажется, что, по данным законодательства в рассматриваемый период (до издания Кодекса Юстиниана), о таком переломном моменте едва ли можно говорить.

Исследователи отмечают, что когда империя в VI в. оправилась и развернула наступательные войны, значительная часть захваченных военнопленных была обращена в рабов²⁷. Таким образом, тенденция к пополнению числа рабов в империи из внешних источников в результате войн продолжала сохраняться и в этом столетии.

Обращает на себя внимание, что и в конце VI в. собственники выражали радость по поводу ставших уже нечастыми побед византийских императоров и захвата ими пленных, потому что это давало им возможность пополнить число рабов. Евагрий был в восторге от того, что Маврикий привез много взятых в плен рабов. «Они же, наконец, и во всяком доме стали выполнять домашние работы, потому что приобретение их сделалось весьма легким» (Евагг., 19). Последнее замечание говорит о том, что трудности получения рабов извне в конце VI в. все более возрастали, и это, видимо, сыграло немалую роль в углублении кризиса рабства в Византии V—VI вв. Во всяком случае, тот факт, что и в VI в. при всякой возможности возрастало обращение пленных в рабов, свидетельствует о сохранившихся внутренних тенденциях к поддержанию рабства. По-видимому, и для всего VI в. приходится не столько говорить о падении интереса к получению рабов, в том числе и в результате войн, сколько о сокращении реальных возможностей для этого. На наш взгляд, не только внутренние тенденции,

²⁶ См., например: Д. Ангелов. О некоторых проблемах социально-экономического развития Юго-Восточной Европы во II—V вв. и переходе от античности к средневековью. — «XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16—23 августа 1970 г.» Доклады. М., 1970, стр. 6 и др.

²⁷ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 5—6.

но и усиливающаяся невозможность путем войн существенно пополнять число рабов способствовали дальнейшему падению значения рабства в Византии.

В определенной мере потребность общества в рабах отражало и использование другого их внешнего источника — коммерческого импорта рабов.

О том, что этот импорт был достаточно значительным и в IV, и в VI вв., едва ли приходится спорить. Оживленная торговля рабами шла на всех границах империи, начиная от Нумидии и Эфиопии и кончая дунайской границей²⁸. Естественно, что объем ее во многом зависел от обстановки, характера отношений внутри соседних варварских племен и их отношений между собой и с империей, что определяло размеры продажи соплеменников, сбыта пленников. Поэтому поступление рабов из разных соседних областей колебалось, и это нашло отражение в соответствующих упоминаниях литературных источников. В целом мы можем зафиксировать достаточно стабильную заинтересованность Византии в получении рабов из всех возможных источников их экспорта.

Об импорте рабов свидетельствуют и некоторые законы Кодексов Феодосия и Юстиниана, которые в этом аспекте также заслуживают более детального изучения. Среди них прежде всего следует упомянуть известный закон 374 г., в котором рабы стоят на первом месте в перечне товаров, покупаемых у варваров (CJ, IV, 63.2—374 г.). Из текста закона видно, что рабов для продажи, с одной стороны, привозили на территорию империи варварские купцы, которые уже в ее пределах вели торговлю рабами, с другой — их скупали и византийские работорговцы, отправлявшиеся к варварским народам. Последнее свидетельствует о достаточно активной заинтересованности византийских собственников в приобретении рабов на внешних рынках, их стремлении к проникновению и закреплению на них. Заслуживает внимания, что этот закон был включен в Кодекс Юстиниана и, очевидно, сохранил свое значение.

По существу к этой же проблеме относятся и некоторые юстиниановские постановления, в частности, те, которые говорят о ценах на рабов (CJ, VIII, 7.1.5—530 г.)²⁹. Бесспорно, это была официальная таксация для разного рода внутренних конфликтных ситуаций, требовавших вмешательства властей и судебных органов. Но частично такая таксация была связана и с продолжением активной внешней торговли рабами, импорта рабов, необходимостью взыскания торговых пошлин за ввоз рабов³⁰. Известно, что эти пошлины составляли $\frac{2}{10}$ стоимости раба. Их можно рассматривать как средние³¹; судя по их размерам, они явно не были направлены на ограничение ввоза рабов. Специальные таможи в Авидосе и Гирероне контролировали и ввоз рабов. О том, что спрос на них был, свидетельствует и параллельное развитие контрабандной торговли рабами. Хотя интенсивная торговля ими шла в пограничных областях империи, византийские купцы и в VI в. отправлялись за ними далеко за ее пределы. Вероятно, этим объясняются в Кодексе Юстиниана упоминания о покупке византийскими купцами рабов за пределами империи.

Продолжало, по-видимому, контролироваться и запрещение отдавать варварам золото за рабов. Можно думать, что в VI в. это положение уже

²⁸ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 6.

²⁹ См., например: Р. Браунинг. Рабство в Византийской империи (600—1200 гг.). — ВВ, XIV, 1958, стр. 53; ср. И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, стр. 47. Прокопий указывает, что выкуп пленных обычно производился по цене более низкой, чем рыночная цена рабов (Procopii Caesariensis Opera omnia, vol. I. Lipsiae, 1962, II, 22. 13—16).

³⁰ Н. Antoniadis-Bibicou. Recherches sur les douanes à Byzance. Paris, 1963. По мнению З. В. Удальцовой (указ. соч., стр. 6), именно «размах торговли вызвал ее срочную регламентацию».

³¹ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 6.

не имело большого значения, поскольку варвары могли получать из империи золото из других источников, которые правительство не в силах было ограничить, в частности — за выкуп пленных, в виде платы за отказ от нападений на империю; может быть, об этой официальной тенденции свидетельствует упоминание Прокопия о том, что византийские купцы обменивали свои товары на рабов (хотя это могло быть вызвано и другими обстоятельствами). Во всяком случае, все имеющиеся данные относительно внешней торговли империи рабами в VI в. показывают, что и в этом столетии она была достаточно активной и значение такого внешнего источника пополнения рабов в империи, как их торговый импорт, весьма существенно, по-видимому, не уменьшалось³².

Нельзя рассматривать оба внешних источника получения рабов — войну и торговлю — в отрыве друг от друга. Импорт рабов, на наш взгляд, для характеристики отношения к рабству даже еще более показателен. Он мог означать и то, что прямой захват рабов не удовлетворял всей потребности в них империи, что существовала потребность и в их коммерческом приобретении. Другое дело, что эти источники рабства могли использоваться с неодинаковой степенью интенсивности. Можно допустить, что с сокращением возможностей военного захвата рабов возрастало стремление приобрести их «за деньги» на зарубежных рынках, и, таким образом, сокращение первого источника могло вести к попыткам более интенсивного использования второго. С ослаблением империи и усилением варваров торговый импорт рабов, вероятно, мог возрастать.

В работах последних лет было еще раз показано, в каких огромных количествах покупались, захватывались, обращались в рабов и распродавались на рынках империи до 376 г. готы³³. Империя могла пополнять массу рабов, дешево покупая их. Торговля готскими рабами шла на всех рынках империи. Приобретение их торговыми путями процветало и было выгодно. Когда же обстановка изменилась, естественно, должен был возрасти интерес к обращению в рабов военнопленных, к усилению порабощения свободных.

Естественно возникает вопрос: несмотря на постепенное падение роли рабства, не возросло ли зафиксированное законодательством III в. порабощение свободных внутри империи, особенно в связи с несколько сократившимся в это время притоком рабской силы извне, вызванным ослаблением военной мощи империи? Несколько окрепшая в конце III в. империя (и это показывают литературные источники) смогла восполнить нехватку рабочей силы за счет рабов-военнопленных. Может быть, отчасти в связи с этим стоит попытка Диоклетяна запретить внутри империи продажу свободными своих детей в рабство. При Константине возросшая нехватка рабов вынудила его, хоть и с оговорками, вновь приоткрыть эти внутренние каналы; как показывают сообщения писателей IV в., продажа детей в империи повсеместно приняла широкие размеры.

Последующие события вновь привели к росту числа военнопленных. О массе скифских и готских рабов во всех областях империи и бойкой торговле ими на ее рынках сообщают многие авторы. Но все они вовсе не выражают недовольства самим этим фактором. Они опасаются другого — концентрации вновь захваченных рабов-варваров по соседству с их могущественными соплеменниками и союзниками у границ империи. Это отчетливо выражено в речах Синезия. Поэтому издаются законы, запрещающие увеличивать концентрацию рабов в городах, предписывающие их перемещать в другие, более отдаленные провинции и т. д.

³² З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 6; *Procopii Caesariensis Opera omnia*, vol. I, II, 28, 26.

³³ См., например: В. Велков. Сведения на Темистий, стр. 245—260; его же. Рабство, стр. 121—123.

Итак, анализируя данные законодательства и сопоставляя их со свидетельствами других источников, мы можем прийти к выводу, что тенденция к увеличению числа рабов в ранневизантийском обществе сохранялась в течение всего рассматриваемого периода. По-видимому, существовала определенная взаимосвязь между активизацией использования внутренних и внешних источников, отражавшая эту общую тенденцию. Если до конца III в., в связи с определенными особенностями хозяйственного развития и общей ситуацией в империи преобладало более или менее организованное воспроизводство рабской силы в большинстве хозяйств при важном дополнительном значении внешних источников, то с изменением положения возрастает заинтересованность в использовании других внутренних источников, усиливается их эксплуатация.

Таким образом, в изучаемый период значительно возрастает роль внутренних источников рабства; для этого времени особенно характерно стремление шире использовать различные, в том числе неполные, формы порабощения свободных. Все это, а также распространение «нетипичных форм» использования рабского труда³⁴, на наш взгляд, было важным показателем усиливающегося кризиса и упадка рабства, разложения рабовладельческих отношений. Однако расширение источников пополнения рабов и отношение к ним общества свидетельствуют о сохранении рабовладельческих тенденций в ранневизантийском обществе.

Думается, что растущее непостоянство источников рабства привело и к некоторым достаточно отчетливо прослеживаемым изменениям в терминологии, использовавшейся для обозначения рабов, несомненно, отражавшей своеобразие рабства той или иной эпохи. В IV—VI вв. в законодательных источниках все реже употребляются термины, свидетельствующие о домашнем, поместном и местном происхождении большей части рабов (*verna, vernae*), тогда как в Дигестах термины *verna, vernae* чрезвычайно употребительны. В ранневизантийском законодательстве эти термины почти не используются, и некоторые из них не встречаются в Кодексах после IV в. Все это, на наш взгляд, говорит о том, что рабочая сила рабовладельческих хозяйств все больше комплектовалась из самых разнородных источников, что в них все более широко использовались рабы, не рожденные в собственном господском хозяйстве и не вскормленные в нем, а рабы, рожденные и выросшие в хозяйствах рабов на пекулии, рабы от браков рабов и колонов и свободных, свободные, обращенные в рабство (купленные, пленные). Бесспорно, эволюция терминологии отражала изменение уклада хозяйственной жизни и характера использования труда рабов.

В этих условиях все меньшее значение приобретал вопрос о «выращивании» раба, о его происхождении. Важен был его статус. Поэтому термины, отражавшие специфику «внутреннего» происхождения рабов в IV—VI вв., выходят из употребления. Термин *verna*, например, всего один раз упоминается в Кодексе Юстиниана.

Аналогичную эволюцию под этим же углом зрения мы не можем не отметить и в отношении терминов, более четко выделявших или подразумевавших внешнее происхождение рабов. Прежде всего, это относится к термину *captivus* и его греческому эквиваленту. В прежние столетия определенно имевшие в виду раба-военнопленного, а иногда употреблявшиеся просто для обозначения рабов с акцентом на их «внешнем» происхождении в IV—VI вв., эти термины почти перестают употребляться для обозначения рабов. *Captivi* для IV—VI вв. — это уже не только рабы-военнопленные, но одновременно и (может быть, не реже) захваченные варварами в плен ромей, как рабы, так и не рабы. С ослаблением империи

³⁴ *J. Biezunska-Malowist. Quelques formes non typiques de l'esclavage dans le monde ancien.* — «Античное общество», стр. 91—96; ср. *М. Я. Суюмов. Указ. соч.*, стр. 37—41.

и прекращением победоносных войн, дававших массу рабов-военнопленных, *captivus* все более переставал быть прямым обозначением раба-военнопленного, приобретал значение более широкое.

Очевидно, аналогичную, продолжающуюся в этом направлении эволюцию претерпел и термин *ἀνδράποδοι*. В более ранних источниках он применялся значительно шире и чаще. Но он был более тесно связан также с внешними источниками рабства (*ἀνδράποδιζω* — «поработать»), и в эпоху ограниченного порабощения свободных сограждан он преимущественно имел в виду порабощенных военнопленных. Таким образом, *ἀνδράποδοι* — это в определенной мере захваченный раб. Поскольку рабы обычно использовались как основная физическая сила, этот термин приобрел дополнительный оттенок. Характерно, что в IV—VI вв. применение этого термина с первым смысловым акцентом, неразрывно, как мы видели, связанным со вторым, все более сходит на нет, отчасти в связи с сокращением прямого использования принудительного труда рабов в господском хозяйстве. Этот термин все реже употребляется для обозначения рабов по сравнению с другими терминами, и еще реже используется для обозначения рабов-военнопленных. В ранневизантийском законодательстве он употребляется редко и не для обозначения рабов-военнопленных, но все же подразумевает рабов, занятых тяжелым сельским трудом в господских имениях. Характерно, что он все же продолжал сохранять оттенок прежнего значения «раб-военнопленный». Не с этим ли было связано более активное его употребление в VI—VII вв., когда возросло число рабов-военнопленных? ³⁵

Таким образом, характерная для последнего периода разложения рабства возрастающая нестабильность, многообразность источников рабства и в этих условиях известное падение значения происхождения рабов, естественно, приводили к определенной унификации терминологии, отражавшей их происхождение, поскольку все более важным становился лишь сам их статус.

Можно добавить несколько слов об эволюции терминологии, связанной с покупкой, импортом рабов. Как в предшествующий, так и в ранневизантийский период не было специального термина для обозначения купленных рабов. Очевидно, в ранневизантийский период, торговля в целом давала значительно меньше рабов, чем война, и для терминологического выделения этой части рабов не было достаточных оснований. Таким образом, война и в VI в. продолжала оставаться главным внешним источником поступления рабов.

Несколько иное положение складывается в последующие периоды византийской истории. Как показывает, например, исследование Х. Кёпштейн, в дальнейшем не только вновь появляются термины, специально обозначавшие «купленных» рабов или рабов-военнопленных; использование этих категорий рабов получает достаточно широкое распространение ³⁶ в связи с тем, что внутренние источники рабства утрачивают свою роль с падением значения рабства. Все это относится к тем периодам, когда в империи вновь возросла потребность в рабах, и не столько войны, сколько торговля обеспечивала их поступление извне. Весьма существенно меняющиеся в последующий период термины, обозначавшие рабов, достаточно резко отделяют последующий период от рассмотренного ³⁷.

В целом изучение законодательного материала, содержащегося в Кодексах Феодосия и Юстиниана, не создает впечатления, что в IV—VI вв. резко падает интерес к восполнению числа рабов. В ранневизантийском обществе сохранялись сильные тенденции к обращению военнопленных

³⁵ См., например: *К. К. Зельин*. Указ. соч., стр. 128.

³⁶ *H. Köpstein*. Die Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966, S. 54—55.

³⁷ *Ibidem*.

преимущественно в рабов. Попытки опровергнуть этот вывод на основании данных закона 409 г. пока нельзя признать убедительными. Достаточно сильные тенденции к порабощению свободных, использованию различных категорий «временных» рабов не только отражают кризис рабства, но и определенные тенденции к его сохранению, поддержанию за счет использования внутренних возможностей. Возможно, что сокращение военных возможностей для постоянного пополнения числа рабов в определенные периоды IV—VI вв. играло свою роль в усилении порабощения свободных внутри империи.

В целом же законодательство показывает, что в IV—VI вв. достаточно интенсивно использовались все источники пополнения числа рабов.

Таким образом, законодательный материал, характеризующий отношение к источникам рабства, существовавшее в ранневизантийском обществе, на наш взгляд, не дает достаточных оснований рассматривать этот период как качественно новый, когда общество встало на путь активного изживания рабовладельческих отношений.